

Editorial Board of Think Tank “Crimean Tatar Foundation USA”

The article "The Famine in Crimea (1921-1923)" by V.G. Zarubin and A.G. Zarubin represents the first fundamental study of one of the most tragic chapters in the history of the Crimean Peninsula in the early 20th century. This work is the result of extensive research based on an unprecedented volume of previously unstudied archival materials, enabling the authors to present the most comprehensive analysis to date of the events of 1921-1923.

Relevance and Scientific Significance

This study of the 1921-1923 famine in Crimea fills a significant gap in the region's historiography. Prior to this work, this tragedy, which claimed the lives of approximately 100,000 people (15% of the peninsula's population), had not received proper scholarly attention. The work's particular significance lies in the authors' interdisciplinary approach, which examines the events through the lens of social, economic, and demographic processes. The research makes a substantial contribution to understanding the transformation of Crimea's ethno-demographic structure, especially in the context of the famine's impact on the Crimean Tatar population, which suffered losses of approximately 76,000 people.

Methodology and Source Base

The research is founded on a unique and extensive source base, including:

- *42 files from the Central State Archive of Crimea*
- *Materials from File 113, Fund 1 of the former Party Archive*
- *27 daily reports from the Cheka (GPU)*
- *Statistical materials and documentation from Pomgol*
- *Decrees of the Crimean Central Executive Committee and Council of People's Commissars*
- *Protocols of the All-Crimean Tatar Non-Party Conference*
- *Periodical press materials from 1921-1923*
- *Oral testimonies from event witnesses*

The comprehensive nature of the research is ensured through the comparison and critical analysis of various types of sources, allowing for the most complete reconstruction of these tragic events.

Scientific Novelty

This work represents the first systematic study of the 1921-1923 famine in Crimea. The authors introduce a significant body of previously unstudied documents into scientific discourse, offer new interpretations of known facts, and reconstruct the chronology of events. Of particular value is the detailed analysis of the famine's socio-economic consequences, including its impact on agriculture, demographic situation, and the social structure of Crimean society.

About the Publication

This version of the article is part of the authors' more extensive research, the materials of which were subsequently included in the expanded edition of the monograph "Without Winners" ("Bez pobediteley"). The publication of this work holds special significance for the restoration of historical memory and understanding of the complex processes that shaped Crimea's development in the 20th century. The editorial board expresses gratitude to V.G. Zarubin for providing the text and the opportunity for its publication.

В. Г. Зарубин, А. Г. Зарубин

Голод в Крыму (1921-1923)

Один из самых тяжелых периодов в новейшей истории Крыма - трагедия семидесятилетней давности, голод 1921-1923 гг. Никто из исследователей специально историей голода не занимался. Имеются отдельные врезки в работах 20-х - 60-х гг., мемуарах, несколько газетных публикаций. Нестерпимо яркое художественное воплощение крымский голод получил в эпосе И. Шмелева «Солнце мертвых», ставшей доступной нашему читателю только в последние годы.

Этот пробел тем более абсурден, что архивы Крыма хранят множество всевозможных и весьма ценных документов, повествующих о голоде 1921-1923 гг. Историками они практически не изучались. Авторами проанализированы 42 дела Центрального Госархива Крыма, а также материалы дела 113 фонда 1 бывшего партархива и документы областных партконференций, хранящиеся в том же архиве.

Исключительно содержательны суточные сводки ЧК(ГПУ) (обнаружено 27), дающие подробную информацию с мест в Центральную республиканскую комиссию помощи голодающими при ЦИК Крымской АССР (КрымЦКПомгол). Богаты статистические материалы самого Помгола, его переписка с местными органами, уполномоченными в различных регионах страны (Москва, Грузия, Азербайджан) и Турции. Много важного в декретах КрымЦИКа и СНК республики, постановлениях и прочих документах Областкама РКП(Б), КрымЭКОСО (Экономического совещания), комиссии по изъятию церковных ценностей, в переписке с центром и благотворительными организациями национальных общин, протоколах Все-крымской татарской беспартийной конференции (май 1922 г.) и др. По возможности, собраны устные свидетельства переживших трагедию.

Еще в 1920 г. в Крыму наметились признаки приближающейся катастрофы. Газета «Красный Крым» (статья М. Лившица «Продовольственное положение» в номере от 14 мая 1921 г.) успокаивала себя и своих читателей: «Разумеется, будем надеяться, что крымскому пролетариату... не надо будет привыкать к голодовке. Новые мероприятия Советской власти в области продовольствия безусловно облегчат положение и необходимо лишь некоторое спокойствие... Мы должны полагать, что худшее время проходит, что мы вступили в самый последний период недоедания и за ним наступит период безусловного улучшения быта рабочих». Надежды, однако, не оправдались.

С сентября-октября 1921 г. голод стал неудержимо накатываться на полуостров.

В чем же причины страшного бедствия?

Прежде всего это экономические последствия первой мировой и гражданской войн: разруха, развал транспорта, полное обесценение сырья (табак, виноград, кожа и др.).

Климатические катаклизмы: невиданная за последние 50 лет засуха 1921 г., нашествие саранчи, проливные дожди 1922 г.

Положение усугубили субъективные моменты. Например, безграмотная, игнорирующая местные условия, нацеленная на «преодоление» кризиса путем грозных распоряжений и расстрелов политика Крымревкома (ноябрь 1920 - октябрь 1921 г.). Беспартийная татарская конференция по докладу предЦИК и председателя КрымЦКПом-1 гола Ю. П. Гавена постановила: «Расследовать виновников подачи статистических сведений о том, что в Крыму 9 миллионов пудов хлеба, в то время как на самом деле было 2 миллиона». Продразверстка, отмененная X съездом РКП(б) в марте 1921 г., держалась в Крыму до июня. Политика изъятия хлеба по фантастическим цифрам задания разоряла крестьянство и вызывала его недовольство, вплоть до попыток восстания на Южном берегу.

Военно-коммунистические методы, запреты на свободное передвижение и товарообмен продолжали довлеть над населением Крыма по меньшей мере до осени 1921 г., а рецидивы наблюдались и позднее. Так, положение усугубила конфискация имений на побережье и попытка создания на их основе совхозов (около 1000, большей частью эфемерных и занявших до миллиона десятин земли). Это фактически лишало земли бывших батраков-арендаторов: в Крыму примерно 40% крестьян были в это время безземельными. Крымревкомом было принято решение изъять у крестьян-виноградарей 40 тыс. ведер вина, что привело к повальной вырубке виноградников.

Размах бандитизма в 1920-1922 гг. (группы, скрывавшиеся в лесах и горах, пополнялись за счет тех же крестьян) продемонстрировал неумение Крымревкома решить эту проблему. Только гибкая политика назначенного председателем тройки по борьбе с бандитизмом **В. Ибраимова** позволила нормализовать обстановку. К середине 1922 г. политический бандитизм был в Крыму ликвидирован.

Жесткую позицию занимали центральные органы власти.

Наркомпрод РСФСР определил в голодном 1922 г. продналог для Крыма в 1,2 млн. пудов, причем запретил засеивать поля до его внесения.

Наркомпрод Крыма запротестовал: «... В тяжелом положении Крыма и опасности применения к нему нажима во что бы то ни стало убедились и член Президиума Помгола ВЦИК тов. Белкин и бывший здесь тов.

Калинин, - сообщалось в ЦК РКП(б). - Намеченные... 800000 п. к 15/1X были изъяты, причем никакой нужды употреблять какую бы то ни было «активность» не было. Считаю, что упреки, которые посылает ЦК, к нам не относятся...» (ЦГАК Ф.П-1. Оп. I. Д. 133).

Первой наступление голода почувствовала цыганская беднота, перебивавшаяся случайными заработками. Затем настала очередь татарских крестьян, которые имели минимальные земельные участки и, проживая основной массой в горном Крыму, почти не вели зернового хозяйства. В ноябре 1921 г. были зафиксированы первые смертные случаи. В целом за ноябрь-декабрь погибло около 1,5 тыс. человек.

Реакция властей первоначально была слабой: сказывались и их беспечность, и шапкозакидательские настроения, и изолированный образ жизни горных селений. *«... Татарин молча, без ропота, без протеста, без борьбы умирал в своих деревнях, зачастую даже не выходя из хаты».*

Голод быстро охватывает города и степную часть Крыма. Игнорировать растущее бедствие было уже невозможно.

Осенью в Крыму проходила кампания помощи голодающим Поволжья. Действовали соответствующие комитеты. Собирались налоги и даже вывозилось продовольствие. Из Москвы в Крым шли телеграммы о необходимости принять голодающих из Поволжья, в том числе татарских детей.

Центр, опираясь на завышенные данные о количестве хлеба, полученные от крымских властей, отказывался признать республику голодающим районом. Обращения крымчан в ЦКПомголВЦИК и другие центральные инстанции (с ноября 1921 г.) оставались безрезультатными: буквально крики о помощи тонули в бюрократической трясине множества

учреждений. Уполномоченный КрымЦК-Помгола в Москве К. Е. Сорин докладывал: «... Я сразу же натолкнулся на целый ряд препятствий со стороны Госплана, ЦСУ, Наркомпрода, Нар-комзема, которые, каждый в отдельности, имели весьма разноречивые сведения о положении в Крыму».

4 января 1922 г. Севастопольский, Ялтинский и Джанкойский округа официально были признаны не урожайными. И только 16 февраля, когда от голода умирали тысячи и тысячи, заседание президиума ВЦИК пунктом 16 (!) постановило: «Отнести всю территорию Крымской ССР в число областей, признанных голодающими, со всеми вытекающими отсюда последствиями». (Интересно, что к этому времени имелось негласное решение Политбюро ЦК о прекращении приема всех заявлений о признании отдельных территорий голодающими) (ЦГАКФ.Р-151. Оп. I. Д. 2).

Президиум КрымЦИКа, учитывая экстремальный характер ситуации, по собственной инициативе создает еще 1 декабря 1921 г. КрымЦКПомгол (с 19 октября 1922 г. по 1/16 августа 1923 г. - Последгол). Первым председателем Помгола стал секретарь Областкома РПК (б) А. И. Израилович. С середины февраля комиссию возглавил возглавлял Ю. П. Гавен (заместитель - Б. С. Шведов). Ее состав постоянно расширялся, в том числе и за счет крымских татар (включая таких известных деятелей, как будущий академик **Б. Чобан-Заде, С. М. Меметов, У. Ибраимов**, нарком земледелия). Помголу подчинялись окружные и районные помголы. В деревнях функционировали комитеты взаимопомощи, вынесшие на себе всю тяжесть первых месяцев голода.

С января по апрель 1922 г. резко расширяется география бедствия, стремительно растет количество смертей. За январь умерло 8 тыс. человек. В феврале голодало 302 тыс., скончались 14413 (4,7%), в марте соответственно - 379 тыс. и 19902 (2,8%), в апреле - 377 тыс. и 12753 (3,4%). Число голодающих составило 53% населения Крыма.

Статистику тех лет, при всей добросовестности служащих, нельзя считать совершенной. Поэтому в документах есть известный разброс цифр. В мае голодало от 360 до 500 тыс. 12 мая за подписью Ю. П. Гавена и

председателя татарской беспартийной конференции О. Дерен-Айерлы Азербайджанскому СНК отправляется телеграмма: *«В Крыму голодает более 400000 ч., более 60% всего крымского населения. От голода погибло уже около 75000 ч., в том числе больше 50000 татар. Больше одной пятой всего крымского татарского населения погибло от голода»*. Наиболее пострадали весь Ялтинский округ, районы - Евпаторийский, Судакский, Карасубазарский, Коккозский, Бахчисарайский, Балаклавский, где голодало практически все население. **Пик голода - март 1922 г.** Это самый страшный месяц для Крыма, когда основная масса голодающих была предоставлена сама себе. *«Стадия эта отличается полным расстройством всех моральных начал и установленных законов человеческого общежития: идут повсеместно грабежи, кражи, убийства и мошенничества. Бандитизм, как один из спутников голода, дошел до высшей точки своего развития»* (из Отчета Совету Труда и Обороне на 1 апреля 1922 г.). Голод разбудил эпидемию тифа. На крымской земле разыгрались дикие по своей жестокости сцены.

Дадим слово документам. «Ужасы голода начинают принимать кошмарные формы. Людоедство становится обычным явлением: в Бахчисарае семья цыган зарезала 4-х детей и из мяса сварила суп. Цыгане арестованы и суп с мясом доставлен в милицию. В Севастополе на рынке валяются трупы, причем милиция отказывается (их убирать. -Авт.)... В Карасубазаре регистрируется 25-30 смертных случаев (ежедневно. - Авт.). Деятельность компомгола проявляется слабо. Но если в городах заметны кой-какие признаки помощи, то в деревнях голодающие оставлены абсолютно на произвол судьбы». (**Выписка из суточной сводки ЧК от 3 марта 1922 г.**). «Каждый день сводки с мест сообщают о людоедстве. В Карасубазаре опять обнаружено людоедство. Мать зарезала своего 6-летнего ребенка, сварила его и начала его есть вместе с 12-(лет) ней дочкой. Женщина была арестована и на допросе в милиции лишилась рассудка. По отправлению ее в больницу она скончалась. Местный помгол из-за отсутствия продресурсов не в состоянии дать голодающими возможности существовать хотя (бы) в полуголодном состоянии, вследствие чего является людоедство и употребление в пищу падали. Весь день на рынке происходит ловля

случайно забредших сюда собак... Голодные массы в большом проценте питаются воловьей и овечьей кожей, также забирая из кожевенных заводов отбросы, побывавшие в обработке и извести. Больницы переполнены голодающими, которые умирают от истощения...» (выписка из суточной сводки ЧК от 13 марта 1922 г.).

Вот свидетельство Земине Сулеймановой, проживавшей тогда в с. Такыл-Джаванак (ныне с. Аркадьевка Симферопольского района): «Толпы нищих ходили по деревням, выпрашивая объедки. Люди, у которых сохранилось какое-то имущество, готовы были обменять его на еду на любых условиях».

К. Е. Сорин писал в «Правде» (18 февраля 1922 г.): «Фунт хлеба в Алушке стоит до 160000 руб. Все ужасы Поволжья имеются налицо в Крыму: целиком съеден весь скот и лошади, сельское население покидает свои жилища и наводняет города, процент смертности прогрессивно растет. По шоссейным дорогам Севастополь-Симферополь-Евпатория, в городах, на улицах и близ вокзалов, валяются трупы... и брошенные матерями дети».

Голод нанес сильнейший удар по крымскотатарскому населению. Это вызвало тревогу в союзном наркомате по делам национальностей. Его представитель прямо заявил о необходимости предотвратить «гибель целой нации» (ЦГАК Ф.Р-151. Оп. I. Д. 2). Как было уже не раз, в числе особо потерпевших оказалась рядовая интеллигенция. Сельские учителя могли существовать только за счет крестьянского самообложения, на государственном снабжении они не состояли. Поэтому голод, обрушившийся на крестьянство, рикошетом ударил по педагогам. В аналогичной ситуации оказалась и городская интеллигенция. Помгол отказал в ее просьбах о помощи, ссылаясь на СНК, а тот помочь был не в состоянии. Документ свидетельствует: археологи, музейные работники умирают от голода - в Севастополе и Керчи скончалось 15 человек, 4 близки к смерти, та же картина - в Бахчисарае и Евпатории. Зафиксированы случаи кражи детских пайков медперсоналом, получавшим меньше своих пациентов (положение на 7 июня 1922 г.).

Весной 1922 г. Крым оказался перед лицом полного распада общественных связей.

Отдадим должное КрымЦКПомголу. Вначале его работа была хаотичной и малопродуктивной: не хватало ни средств, ни опыта, ни связей.

Результаты его деятельности заметны с апреля 1922 г. Выделим основные направления этой деятельности.

Во-первых, осуществлялась координация в борьбе с голодом работы различных государственных ведомств, в том числе военных и морских, Крымсоюза и общественных организаций.

Во-вторых, был введен ряд налогов: чрезвычайный ежемесячный на все хозрасчетные торговые и промышленные предприятия, увеселительные заведения, 1%-ный сбор со всех торговых операций Крымсоюза, 3%-ный - с продажи импортных товаров, налог на стоимость трамвайных билетов и проезд в автомобилях, почтовые отправления, на имущие слои населения и др.

В-третьих, был произведен сбор добровольных пожертвований от граждан и учреждений, собраны отчисления от заработка. С декабря 1921-го по апрель 1922 г. общая сумма собранных на борьбу с голодом средств составила 3460113149 рублей (из них 2 млрд. рублей - из центра). От граждан поступило всего 1900 вещей, включая графин, сковородку, две курительные трубки, чернильницу, восемь подушек и т. п.

Пожертвования поступали в основном от профсоюзов (ЦГАК Ф.Р-151. Оп. I. Д. 53).

19 апреля КрымОК получил секретное указа-ние ЦК РКП(б) (от 22 марта, подписано секретарем ЦК В. М. Молотовым) об изъятии церковных ценностей, преследовавшее цель не столько оказания помощи голодающим, сколько - уничтожения серьезного конкурента. В зашифрованной телеграмме официальных властей - постановлении ЦК РКП(б), в частности, говорилось: «... Внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти только тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия».

Вторая сессия КрымЦИКа от 4 марта 1922 г. постановила: немедленно изъять все ненужные для богослужения ценности «из церквей, синагог,

монастырей и проч. с немедленной их реализацией на питпродукты». Однако выясняется, что церковная община Симферополя (церковь Скорбящей Матери) по собственной инициативе сдала в пользу голодающих 19 фунтов серебра, 35 золотников золота и около 4 млн. рублей. На средства от пожертвованных церковных ценностей в мае 1922 г. была создана детская трудовая колония (до 200 человек).

На Южном берегу из оставленных владельцами вилл и дворцов были вывезены ценности, произведения искусства (Всего - на сумму 899087 золотых довоенных рублей или - на 17405 турецких лир). Через КрымЦКПомгол они реализовывались на внутренних и внешних рынках (ЦГАК Ф.Р-151. Оп. I. Д. 79).

Велась и собственная предпринимательская деятельность Помгола и его филиалов (на которую было немало нареканий) и организация общественных работ, восстановления сельского хозяйства. Помгол осуществлял бартерные сделки, меняя на продовольствие вино, табак, соль, драгоценности, кожи, рыбу, кизилловые палки и т. д. Найдены сведения об экспедициях по обмену в Москву, Брянск, на Украину, Закавказье и в Турцию. Что касается общественных работ, то с февраля 1922 по май 1923 г. на них было выделено 971206 пудов хлебопродуктов (ЦГАК Ф.Р-1923. Оп. I. Д. 50).

Помголом также производилась эвакуация «пришлого населения». В январе 1922 г. Крым ставит в известность Москву, что здесь скопилось пришлое до 50 тыс. русских и украинцев, 10 тыс. подданных Турции, 25 тыс. греков, 3 тыс. армян, а также грузины, азербайджанцы, прибалты, по-ляки, бывшие австро-германские военнопленные.

С января до 1 мая Крым покинуло 6353 человека (без стихийной эвакуации). Предполагалось также вывезти до 5 тыс. турок и до 10 тыс греков, отправить 5-10 тыс. крымских детей в Турцию. Сведений об осуществлении этого замысла не обнаружено.

Но главное в деятельности КрымПомгола - это развертывание сети столовых, т. н. питпунктов, детских приютов и очагов, продажа удешевленного хлеба. В июле 1922 г. Помгол кормил 51% голодающих. За весь 1922 г. было выдано 1481127 пайков (107228 детских, 408859

взрослых). За январь-февраль 1923 г. - 138900 детских, 22000 взрослых (ЦГАК Ф.Р-1923. Оп. I. Д. 52).

Правящая партия позаботилась о «подкормке» своих членов. 21 декабря 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев подписал строго секретный документ: «Предложить Крымобкому использовать переводимые кредиты для взаимопомощи в первую очередь для удовлетворения нужд коммунистов голодающих районов... Предложить ЦК Последгола выяснить вопрос о возможности оказания помощи коммунистам голодающих районов Крыма и (в) случае необходимости перевести для этой цели Последголу Крыма соответствующие средства». До этого КрымПомгол выделял 1% от имеющихся средств в фонд помощи коммунистам. В феврале 1923 г. Президиум КрымПомгола, по решению центра, выделил для голодающих коммунистов 300 тыс. рублей дензнаками и 10 тыс. пудов хлеба (ЦГАК Ф.Р-1923. Оп, I. Д. 20).

Наконец, была налажена организация поставок из других районов страны и из-за рубежа. Крым официально был «прикреплен» к Грузии, Азербайджану и Московской губернии. Основную часть помощи взял на себя центр. С января по сентябрь 1922 г. в Крым поступило 318091 пудов хлеба. Вагоны с продовольствием шли из различных областей РСФСР и Украины, свою лепту в борьбу с голодом внесли Американская администрация помощи (АРА), Международный комитет рабочей помощи голодающим в Советской России (Межрабпомгол), международное общество «Ве-рельф», еврейский «Джойнт», миссии Фритгофа Нансена, папы римского, голландская и итальянская, турецкая - Красного Полумесяца, американские квакеры, немецкие меннониты, зарубежные татарские и мусульманские благотворительные общества и др. Выделим АРА, оказавшую наиболее существенную помощь. На 1 сентября 1922 г. она кормила 117276 тыс. взрослых, 42293 ребенка, 3100 больных.

Национальные общины крымских татар, евреев, караимов с разрешения КрымЦКПомгола совершали закупки и получали продовольствие от благотворительных организаций в Константинополе. Бундестрей (Крымский союз южнорусских колонистов и граждан германской расы) получал помощь из Германии.

Столь мощное содействие мирового сообщества помогло сбить накал трагедии.

Голод в Крыму, однако, длился дольше, чем в других районах страны. С осени 1922 г. он вновь начал набирать силу. Как и в предшествующем году, в ноябре стали умирать люди. В этом месяце голодало 90 тыс. человек, в декабре - до 150 тыс., (40% взрослого населения). Пришлось опять разворачивать систему поддержки. Теперь это было сделать легче: Крым оставался единственным голодающим районом страны.

К лету 1923 г. кошмар голода наконец-то ушел в прошлое. Еще раз подчеркнем, что в немалой степени этому содействовала активная деятельность Помгола (Последгола) Крыма.

Общая оценка погибших составила около 100 тыс. человек. Это примерно 15% населения Крыма на 1921 г. Председатель КрымЦИКа В. Ибраимов подчеркнул на XII облпартконференции (январь-февраль 1927 г.): «... По данным статуправления в 21 (1922 - Авт.) году во время голода погибло около **76000** татарского населения...» (ЦГАК Ф.П-1. Оп. I. Д. 592).

Население Крыма с 1921 по 1923 г. сократилось с 719531 человека до (приблизительно) 569580. (Другой источник дает: 720428 - 579739. Делаем поправки на эмиграцию - в северные области и в Турцию). В Карасубазаре численность жителей упала на 48%, в Старом Крыму - на 40,9%, в Феодосии - на 35,7%, в Судакском районе - на 36%, многие деревни горного Крыма вымерли совершенно.

Бедствие нанесло огромный ущерб сельскому хозяйству Крыма.

Площади садов и виноградников в 1923 г. сократились, сравнительно с 1921-м, с 17,4 тыс. га до 15,9. Зерновые площади составляли в 1922 г. 625,3 тыс. га, в 1923-м - 224,4 тыс. поголовье скота уменьшилось более, чем вдвое: с 317,7 тыс. голов (1921) до 145,6 (1923). Если валовой сбор с одной десятины составлял в 1916 г.: сады - 3220500 пудов, то в 1921 г. - 420000, 1922-м - 300000; виноградники соответственно •" 1100000 - 300000 - 280000; табак - 199640 - 10000 - 21000. Минимальная норма питания - 3500 кал. в день - восстановилась (в среднем по Крыму) только в феврале 1923 г. Годом ранее она составляла 1786 кал.

На иждивении государства в июне 1923 г. оставалось более 150 тыс. детей и до 12 тыс. взрослых. Количество сирот и беспризорных дошло до 25 тыс., инвалидов и нуждающихся - до 17 тыс., безработных - до 15 тыс (ЦГАК Ф.Р-1923. Оп. I. Д. 50).

Считаем, что нет нужды в послесловии. Исто-рия дала свои уроки. Выводы делать - нам с вами.

Примечания:

По статданным, приведенным Н. П. Ракитским -1829730 пудов. Для сравнения: урожай 1917 г. дал 23650800 пудов зерновых.

О том же на VI облпартконференции (март 1922 г.) говорил Ю. П. Гавен: «Крымские татары так связаны со своей деревней, что даже голод не может выгнать их оттуда, и они спокойно умирают в своих деревнях. Вот почему многие работники, не знающие деревни, не знают истинного положения вещей, особенно городским работникам трудно представить эту картину».

Ставшие основой организационной структуры КрымЦК Помгола. 26 июля 1922 г. президиум КрымПомгола наградил К. Е. Сорина серебряными часами с гравировкой: «За выдающуюся работу по борьбе с голодом в Крыму».

Цены (Симферопольский рынок, 21 марта) были таковы: фунт белого хлеба: 150 тыс. рублей; черного -100 тыс.; говядины - 100 тыс.; масла сливочного - 500 тыс.; сахара - 200 тыс.. На Южном берегу за фунт ку-курузной муки давали три пуда винограда и три бочки вина.

Документы АРА, в том числе и по Крыму, хранятся в Гуверовском институте войны, мира и революции (США, Калифорния).

Паек АРА составлял примерно 500 калорий в день (норма: 2700). Данные на ноябрь 1921 г. (23, л. 39).

Литература:

1. Баранченко В. Е. Гавен. - М.: Молодая гвардия, 1967.

2. Зарубин В. Голод 1921-1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК/ГПУ). //Республика Крым, -1992. - №№ 4, 5, 6.
3. Зарубин В., Зарубина А. Голод в Крыму (1921-1923 гг.) //Ленинец. - 1991, 19 октяб-ря;
4. Крымское экономическое совещание: Отчет Совету Труда и Оборонаы на 1-е апреля 1922 г.
- Симферополь: Изд. Кр. ЭКОСО, 1922.
5. Маргинов В., Зарубин А., Зарубин В. Голод в Крыму (1920-1923) //Крымский комсомолец.
- 1990, 8 декабря.
6. Паустовский К. Г. Повесть о жизни. - Т. 2, кн. 4; Время больших ожиданий. - М.: Совет-ская Россия, 1967.
7. Ракицкий Н. П. Экспертные возможности Крыма; Крубер А. А. Экономический очерк Судако-Ускутского района горного Крыма. // Крым. - 1926. - № 2.
8. Усов С. А. Историко-экономические очерки Крыма. // Симферополь: Крымиздат, 1925.
9. Центральный Государственный архив Крыма (ЦГАК) (материалы И. К. Фирлевса).
10. Четыре года Соввласти в Крыму. - Симферополь: Изд. КрымЦИКа и Совнаркома, 1924.
11. Шмелев И. Солнце мертвых //Согласие. -№1. - 1990; № 1. - 1991.
Впервые опубликовано: Клио (Симферополь), 1995. N1-4. С.34-38.